

— Я у западных ворот.

— Найди у западных ворот какое-нибудь укрытие от дождя. Не промокни. Машина будет с минуты на минуту. Та самая, на которой тебя сегодня везли в школу.

— Хорошо.

У Цзян Вэньчжоу оставалось ещё много вопросов к Чу Яню, но в переписке толком ничего не обсудить. Он решил, что расспросит Чу Яня лично, когда они встретятся.

— Как сядешь в машину, напиши мне.

Чу Янь так и сделал.

— Ты знаешь точный адрес, где проходят ваши занятия в Императорском дворце? Императорский дворец огромен. Даже на машине ехать часа два-три, чтобы объехать его целиком.

— Не знаю. Сейчас посмотрю, есть ли какие-то объявления в чате группы.

Хэ Шуюй был далеко не самым ответственным куратором, поэтому в групповом чате царил абсолютное молчание.

— Подождите секунду. Я спрошу у однокурсников.

Колеблясь, Чу Янь всё же открыл диалог с Сян Юем. С тайной надеждой на удачу он спросил:

— В какой части Императорского дворца у вас проходят занятия?

В конце концов, в прошлом он столько раз выручал Сян Юя. В период сильнейшей нужды Сян Юй занимал у него деньги. Чу Янь терпел голод и холод целый семестр, но всё равно выручил его. Разве Сян Юй откажется помочь в такой мелочи?

Вскоре на телефоне пришло уведомление о новом сообщении.

Жизнь в очередной раз доказала, что простолюдины, прирученные аристократами, оказываются страшнее самих аристократов.

— Больше мне не пиши. То, что я был тебе должен, давно выплачено.

Ответ Сян Юя оказался холоднее этого проливного дождя.

— Я не могу тебе помочь. Стоит мне только помочь тебе, как меня тут же начнут травить остальные.

— Я заблокировал тебя.

Сразу после этого сообщения Сян Юй занёс Чу Яня в чёрный список.

— Больше не спрашивай.

Цзян Вэньчжоу уже мог представить, с каким холодным приемом столкнётся его маленький альфа.

— Я попрошу Янь Аня проверить, и мы сразу всё узнаем.

Ещё через несколько минут Цзян Вэньчжоу переслал Чу Яню добытый адрес.

— Всё верно, это здесь.

На сердце у Чу Яня потеплело.

Пока юный альфа, опустив голову, изучал точный адрес, машина уже въехала через главные ворота во дворец. Цзян Вэньчжоу велел остановить автомобиль и подсел к Чу Яню.

Янь Ань с папкой документов устроился на переднем пассажирском сиденье.

— Здравствуй, молодой господин Чу Янь.

— Здравствуйте, Ваше Величество... Как вы здесь оказались?

Цзян Вэньчжоу протянул Чу Яню две популярные на рынке энергетические батончики для альфа.

— Перекуси, у них довольно приятный вкус. У меня как раз были дела в том районе, где у вас проходят занятия. Решил доехать туда вместе с тобой. Для прохода в ту зону нужен специальный пропуск. Я воспользуюсь своим, а заодно переговорю с вашим профессором, чтобы он не занижал тебе оценку за опоздание.

Цзян Вэньчжоу видел, как сильно Чу Янь дорожит учёбой. Учеба была единственным выходом

для студентов из простонародья и единственной надеждой Чу Яня, поэтому Цзян Вэньчжоу во что бы то ни стало собирался защитить этот огонёк надежды.

— Не бери в голову, мне всё равно по пути.

Цзян Вэньчжоу внимательно оглядел Чу Яня и заметил, что тот сильно вспотел. На лбу чернело небольшое пятно грязи, а край аккуратных брюк был испорчен брызгами чернил. Решив, что это кровь, император наклонился и приподнял кончик брючины Чу Яня.

— Аян, что это у тебя на брюках?

В этот миг тревога императора открыто и без утайки отразилась в его светло-карих глазах. Он слегка рассердился:

— Ты ранен? Кто это сделал?

— Это не кровь, это красные чернила.

— Откуда они взялись? Ты всегда был таким осторожным.

— допытывался Цзян Вэньчжоу.

На красивом лице императора легла мрачная тень. Он выглядел угрюмым и суровым, и воздух в салоне словно замер от холода. Даже одно это остаточное давление обладало достаточной устрашающей силой.

Цзян Вэньчжоу провёл влажной салфеткой по краю брюк Чу Яня и, убедившись, что это действительно чернила, наконец успокоился.

— А что за история с уборкой, из-за которой ты опоздал? Разве в Военной академии Шэн Сюэлай уборкой не занимаются специальные люди? Почему заставили убирать тебя? Кто велел тебе этим заниматься?

Чу Янь уловил его недовольство, но никак не мог взять в толк, почему тот так разозлился. Украдкой бросив взгляд на глаза Цзян Вэньчжоу, Чу Янь заметил, что под бушующими там тёмными волнами скрывается нечто большее, чем просто злость — едва заметный оттенок сочувствия.

Конечно же, это не сочувствие, мысленно оборвал себя Чу Янь. Ему наверняка показалось, скорее всего, это просто жалость.

Такая же жалость, какую испытывают к раненой бродячей собаке на обочине. Ваше Величество — поистине невероятно добрый энзима.

— Ваше Величество, вы ведь должны знать,ковы порядки в академии Шэн Сюэлай. Вся грязная, тяжёлая и изнурительная работа достаётся студентам-простолюдинам. Я знаю, что вы переживаете за меня и хотите восстановить справедливость, но я уже привык. Так было с самого поступления.

Чу Янь вовсе не испытывал сильного гнева; по сравнению с Цзян Вэньчжоу он казался пугающе здравомыслящим.

— Ничего страшного, нужно просто дотерпеть до выпуска, верно? Разве мне не улыбнулась удача уже тем, что я смог поступить в Военную академию Шэн Сюэлай, да еще и удостоился вашей помощи? Я уже безмерно благодарен судьбе. Я не хочу доставлять вам лишних хлопот, так что не нужно вмешиваться в дела Шэн Сюэлай, я сам во всём разберусь.

Голос Чу Яня звучал ровно. Внешне он казался совершенно невозмутимым, словно и впрямь научился относиться к причиняемой ему боли с холодным стоическим спокойствием.

И всё же, едва договорив, он бросил на окно такой взгляд, в котором отчётливо промелькнула тоска.

Эта нотка скорби мгновенно исчезла из глаз Чу Яня — лишь мимолетный всплеск подлинных эмоций, вырвавшихся наружу против его воли. Он тут же взял себя в руки.

В тот момент Цзян Вэньчжоу обратил внимание, что его глаза походили на чистые, прозрачные бусины из цветного стекла. Но когда юноша отвёл взгляд, переведя их в сторону, этот слабый лучик печали лёг на стеклянную гладь тончайшей трещинкой.

Подобная непреднамеренная хрупкость и растерянность мгновенно сокрушили остатки здравого смысла Цзян Вэньчжоу.

Чу Янь был необычайно сильным, холодным альфой, и на поле боя Цзян Вэньчжоу уже успел прочувствовать его поистине подавляющую мощь. И тем не менее, этот гордый альфа, казавшийся абсолютно лишённым слабых мест, в моменты своей уязвимости выглядел так, будто трещина зловеще побежала прямо от его сердца, угрожая расколоть его изнутри до самого основания. Даже зная, что обожжётся, Цзян Вэньчжоу отчаянно хотел поймать эти осколки.

Ему хотелось заключить юношу в объятия и тихонько утешить, отдать ему всё самое лучшее в Империи, смыть эту грусть потоками безграничной нежности и даже жгучей страсти.

Чу Янь держался из последних сил, но внутри был так несчастен — должно быть, в Военной

академии Шэн Сюэлай ему пришлось пережить нечто ужасное. Такой контраст заставлял сердце Цзян Вэньчжоу сжиматься от боли с невероятной силой.

— Не грусти.

Неожиданно для самого себя Цзян Вэньчжоу крепко обнял его на заднем сиденье машины.

— Аян. У тебя есть я.

Император прижал его к груди, запуская пальцы в чёрные волосы Чу Яня.

— Я помогу тебе. Во всём помогу.

Чу Янь оказался в объятиях совершенно неподготовленным. Хрупкая грудная клетка маленького альфы вплотную прижалась к крепкому, мускулистому торсу императора. Чу Янь отчётливо чувствовал, как мощно и тяжело бьётся сердце Цзян Вэньчжоу о его собственную грудь, словно дикий, свирепый зверь, наносящий удар за ударом по его душе.

Они находились непозволительно близко друг к другу. Объятия императора были широкими и обжигающе горячими, руки сжались вокруг него с невероятной силой, а мышцы на предплечьях напряглись до предела угловатыми линиями.

Одна его рука опустилась на талию Чу Яня, углубляя объятие и полностью заключая юношу в свои кольца. Другая рука императора зарылась в волосы Чу Яня: в противовес этому дикому, охваченному страстью порыву, поглаживания были донельзя нежными.

Он не станет говорить Чу Яню, что влюбился в него в ту самую секунду, как впервые увидел на поле боя.

От Цзян Вэньчжоу приятно пахло: тонкий аромат оливковой ветви смешивался с табачными нотками и дорогим мужским парфюмером, создавая изысканный шлейф зрелости.

Запах был ненавязчивым и удивительно притягательным.

— Кто испачкал тебя красными чернилами, м? Назови мне имя этого студента. И кто конкретно велел тебе убираться?

Глаза Цзян Вэньчжоу покраснели, точно у жаждущего крови хищника.